

Варвара Заборцева

«Подобно большеглазому ребёнку...»

О стихах Павла Сидельникова

Редкая возможность—пройти творческий путь вместе. Вместе делить первые удачи и первые разочарования. Мне выпал такой шанс: мы делаем первые шаги в литературе с воронежским поэтом Павлом Сидельниковым. Обоим около двадцати. Один вырос на бескрайних просторах Сибири, другая—среди лесов под Архангельском. Мы впитали разные рифмы, идём разными дорогами, но чувствую нечто родное в стихах Паши, отзываюсь на лёгкость строки:

Вот так смотри: чужого не дано,
а что своё—то в рамку и на полку.
И я смотрю и робко, и чудно,
подобно большеглазому ребёнку.

И взгляд далёк, он требует тепла,
родного дела, как стихотворенье
о том, что жизнь со мною не была,
хоть и она закончилась рождением.

Лирический герой искренне признается, что ещё «жизнь со мною не была» и «кухонька пока невелика», но «взгляд далёк, он требует тепла, родного дела». Наивное и такое понятное стремление— постичь мир и найти своё место в нём. Это желание вне возраста, но особенно в юности так хочется смотреть на жизнь «и робко, и чудно, подобно большеглазому ребёнку».

Паше чуть больше двадцати, но в первых стихах уже виден его литературный кругозор: слышны голоса поэтов Серебряного века, «шестидесятников» и, главное, старших современников. Начиатность автора вовсе не «пыльная»: Паша—будто учится плавать—отталкивается от прочитанных строк и пробует строить свои, спотыкаясь, иногда идя на ощупь, но продолжает идти.

Помню:
мы курили поздно ночью,
и читали Блока наизусть,
и стояли—порванные в клочья,
сохраняя слово.
Ну и пусть.

В этом небольшом поэтическом наброске переданы и мимолётность мгновения, и отрывочность, присущая любым воспоминаниям. Стихи напоминают фотокарточку, сделанную мимоходом. Видишь этих ребят: темнота ночи, сигаретный дым и стихи, стихи наперебой, с азартом. И пусть они сегодня молодые, «порванные в клочья», в их повседневной жизни живёт поэтическое слово. Именно так, в простых разговорах у подъезда или на кухне, живёт и сохраняется поэзия.

Вдруг оказавшись не у дел,
услышишь—чайник подоспел.

Но ведь до этого не слышал
воды кипенье: *пыш-пыш-пыш*,
как дни недели.

Скрипит коническая крыша,
где Бог сидит—превыше крыш,

где мы сидели.

Кухонные размышления о вечном, которые уместились в несколько минут, пока закипает чайник. Уже через мгновение жизнь пойдёт своим чередом, но именно в этот миг перед долгожданным свистком всё привычное замерло, уступив место полёту мысли.

Голубика выросла в саду.
Ягодку сорву—за ней найду
ягодку другую, чуть помельче.
За оградой копошится ельник.
Ягодку сорву, ещё одну—
и в корзинку мамину взгляну.

Эти строки напоминают детский рисунок. Написано предельно просто, но тем самым поэт оставляет огромный простор для личных воспоминаний читателя, нарочно отказывается от деталей, чтобы у каждого была своя корзинка и своя ягодная поляна. А главное: растёт ли голубика в саду? Она растёт в лесу, а значит, это событие, действительно событие, становится настоящим чудом. Простым чудом—как сама поэзия.

В. С.

Хоть наша кухня пока невелика,
но на плечах моих—огромный великан.

О милая моя, как выдержать его—
опасное для нашей жизни существо?

И рученьки мои не хуже, чем твои,—
с них как-то зёрнышки клевали воробьи.

И птичье «чик-чирик»—спасение одно.
Так помоги найти мне верное зерно!

А то вся жизнь пройдёт, пройдёт она сейчас,
и вот оно уйдёт—незаменимых нас...

Рядом с образом матери возникает и другой женский образ. Говоря о первой любви, нежном и искреннем чувстве, автор позволяет себе проявить максимальную мягкость: появляются «зёрнышки», «рученьки», трепетное обращение «милая моя», которое в этом поэтическом мире не кажется нарочитым. Можно с лёгкостью поверить, что лирический герой чувствует именно так—«уменьшительно-ласкательно». Парные строки, бодрые и шустрые, будто передают дыхание этого юноши, биение его сердца. Главные строки—последние. В них будто случайно понята быстротечность жизни, будто ненарочная мысль о конечности любых, даже самых сильных чувств.

Природа снега—и лететь, и таять.
Бумажным самолётиком лететь
на белый свет, где прорубь ледяная
услула, словно северный медведь.

И выпал снег. Ребёнок краснощёкий
сидит и смотрит в снежное окно:
белым-бело. И чёрные сороки
следят за ним. Становится темно.

Приходит ночь. И выпадет наутро
последний снег, тяжёлый снегопад.
И самолёт летит—проходит чудом.
Ребёнок будет очень долго спать.

Строки залиты белым: «снег», «снежное окно», «белым-бело», «самолёт». На этом белоснежном полотне возникают цветные пятна: «ребёнок краснощёкий», «чёрные сороки», вслед за которыми «становится темно» и «приходит ночь». Стихотворение напоминает акварельный набросок, лёгкий и почти прозрачный. При этом через простоту фраз, некий параллелизм («и выпал снег»—«приходит ночь», «ребёнок смотрит»—«сороки следят») звучит уже не быстротечность, конечность жизни, а её цикличность. Сюжет трудно назвать «историей», речь не о конкретном моменте и не о конкретном ребёнке. Действия условны и даже символичны, будто происходят в своей, особой реальности, поэтому и мотив сна в финале вовсе не случаен.

Образы, как и сам Паша, будто ещё привыкают к строке. Когда автор состоялся, нашёл себя и своё слово, ранние сочинения воспринимаются совсем иначе. Я рада читать их сейчас, когда свежесть юношеских стихов ощущается максимально полно. И даже когда имя поэта Павла Сидельникова займёт своё место в русской поэзии, для меня он останется тем Пашей, который когда-то смотрел на мир «и робко, и чудно, подобно большеглазому ребёнку».